

DOMUS ET ANIMAE

PATH OF THE STRONG SOUL

— ГОТФРИД БЕРГВАР —

ЗОЛОТЫЕ ТЕНИ

DOMUS ET ANIMAE

PATH OF THE STRONG SOUL

— ГОТФРИД БЕРГВАР —

ЗОЛОТЫЕ ТЕНИ

— Это была дурацкая затея... — пробормотал Алагар, скользя по мраморным плитам.

Совсем недавно они были устланы аламарскими коврами, но те из слуг, что не успели урвать столовое серебро, споро избавили господина бургомистра от других предметов роскоши.

Где-то за спиной ученика натужно стонала дверь, содрогаясь от глухих протяжных ударов — благодарные горожане сполна утолили жажду зрелищ, и теперь хотели крови. Все равно чьей.

— Не отставай, — Бертрам ловко обогнул осколки огромной вазы. Три часа назад она стояла как приличный боевой конь, а теперь за ее черепки не дали бы и медяка. Изображенная на самом крупном осколке голова юной девушки бесстрастно смотрела в темноту окна.

Впрочем, там было не так уж и темно. Закат отгорел, солнце испуганно спряталось за крепостную стену, но теперь тяжелую темноту освещали зарева пожаров. Тревожный сумрак лился сквозь окно и растекался по стенам багровыми отблесками огня. Пробегая мимо оконных рам Алагар старался не выглядывать наружу. Парень и так знал, что там увидит.

Город расходился по швам. Добрые горожане, оплот и соль Тентарии словно сошли с ума. Алагар читал о кровавых бунтах прошлого, но никогда не думал, что спокойный город может за несколько часов превратиться в бурлящий котел. Даже тогда, в темные годы лайментальского правления, требовались годы лишений, чтобы довести людей до такой ярости.

Сегодня хватило всего одного костра.

Юный экзекутор кивнул и припустил за наставником. Не смотря на свои габариты Бертрам мчался по коридору с такой скоростью, что Алагар едва за ним поспевал. Пару раз им попадались трупы стражников. Одному перерезали горло, второму воткнули в грудь что-то похожее на бронзовую вилку. Это было бы почти забавно, если бы столовый прибор не вошел в стальную пластину доспеха по самую рукоятку. Алагар хотел остановиться и рассмотреть непонятное оружие, но Бертрам криком погнал его вперед — времени было в обрез. Судьба города зависела от того, кто первым доберется до бургомистра: брата, разгневанные горожане или неизвестные убийцы.

Мятеж зрел несколько месяцев. Словно гнойный нарыв, он набухал на теле города и казнь Эльгара Милосердного стала последней каплей. Гнойник лопнул, и кипящий гнев растекся по всему городу, сжигая все на своем пути.

Но самое страшное было вовсе не в этом: кто-то умело дирижировал бунтом. Кто-то достаточно могущественный, чтобы на время вывести из игры целый гарнизон стражников и разобщить Братьев. Начинаящий экзекутор знал, что рано или поздно

бунт подавят, его собратья уничтожат самых ярких мятежников и толпа из обезображенного чудовища вновь превратится в обычных людей, напуганных деянием рук своих. Но какова будет цена?

У Алагара не было ни малейшего сомнения, что в этом кошмаре есть вина и самих братьев. На мгновение парень прикрыл глаза, вспоминая худое тело, обьятое жарким пламенем. В нос ударил запах жаренного мяса и удушливого дыма. В лицо дохнуло жаркой волной.

— Берегись!

Ученик экзекутора открыл глаза и отшатнулся. Сквозь разбитое окно кто-то забросил факел и чудом уцелевший гобелен теперь был охвачен огнем. Задумавшийся Алагар чуть не влетел в пламя.

— Осторожнее! — косматая борода Бертрама сердито встопорщилась. — Не хватало мне еще и тебя потерять. Себастьян мне и без того голову оторвет.

Юный экзекутор попытался перевести дыхание. После пробежки по городу, короткого боя со слугами и спринту по коридору парень едва дышал. В животе свернулся клубком недовольный еж и беспокойно ворочался, раздирая внутренности горячими иглами.

— Потом отдохнешь, — высокий и грузный экзекутор подошел к ученику и хлопнул того по плечу. — Бежим.

Через несколько минут коридор сменился анфиладой комнат. Столовая, приемная для гостей, бальный зал... Кринберг был богатым городом, и его бургомистр не стеснял себя в средствах – временами особняк градоначальника можно было спутать с каким-нибудь дворцом.

Но теперь все пошло прахом. Картины сорваны со стен, гобелены безжалостно срезаны; все что слуги смогли утащить — они утащили, а оставшееся сломали и оставили валяться на полу.

Алагар скрипнул зубами, переступая через расколотую статую Святого Эльма. Долг призывал брата защищать горожан, но с каждой минутой ему все меньше хотелось помогать этим людям.

Пока Бертрам возился с очередной дверью, которую кто-то запер на ключ, ученик экзекутора прислонился к стене. В голове сами собой всплывали картины недавнего прошлого.

Вот кто-то бежит по улице, не обращая внимания на обнаженные мечи в руках братьев. У горожанина в руках позолоченный канделябр, а на лице — счастливая улыбка. И если бы не темные пятна на подставке канделябра, ничего страшного в этой картине бы не было.

Вот какая-то девушка лежит на мостовой бесстыдно задрав платье и Алагар торопливо отводит глаза. Он знает, что увиденное еще долго будет ему снится, но вовсе не в сладостных снах — в жестоких кошмарах.

Кто-то протяжно кричит из окон горящего дома, но братья пробегают мимо, и будущий экзекутор понимает, что этот отчаянный крик завязнет у него в ушах на долгие недели.

Звонко скрипнул замок и Бертрам с усилием толкнул тяжелые створки.

— За мной, — бросил он.

Алагар вздрогнул. От происходящего голова шла кругом, но вечер и не думал заканчиваться. Им еще предстоит вывести бургомистра в безопасное место и, положив руку на сердце, ученик экзекутора понятия не имел где его взять.

Личный кабинет главы города находился в отдельном крыле. Это была самая старая пристройка особняка, и брат подумал, что в нем наверняка найдется парочка потайных ходов. «Было бы очень кстати» — мысленно вздохнул парень, разглядывая фрески на стенах.

— План такой, — Бертрам, не снижая бега, бросил на ученика напряженный взгляд. — Забираем бургомистра, выводим его через северный вход. Там нас должен ждать человек с каретой. Да, я ему доверяю, он давно работает на нас. Я иду вперед, старик — в центре, ты прикрываешь. Следи за спиной.

— Хорошо, — Алагар достал меч. Короткий тонкий клинок был натерт пеплом и грязью, чтобы не выдавать своего хозяина блеском. — Думаете горожане...

— Они меня не волнуют. Такой мятеж не вспыхивает сам по себе. Я думал, Эльгар был главой бунтовщиков. Очевидно, я ошибался. Следи за спиной, Ал, я не шучу.

Ученик оглянулся, и ничего, кроме полутемного разорённого коридора, не увидел. Но братья не понаслышке знают, что может притаиться в тенях и Алагар послушно перехватил меч поудобнее.

Быстрые шаги экзекуторов разносились по коридору гулким эхом. Сводчатый потолок утопал в темноте; чем ближе они подбирались к кабинету, тем реже на стенах попадались горящие светильники и, если бы не многомесячные тренировки, ученик экзекутора уже бы почти ослеп.

Перед дверью в кабинет Бертрам остановился и приложил палец к губам.

«Слышишь что-нибудь?» — знаками спросил он и Алагар покачал головой. Коридор утопал в безмолвии и за дверью кабинета царил такая же тишина.

«Может градоначальник уже мертв? Или сбежал сам?» — подумал ученик. — «Да нет, вряд ли. Слуги не выпустили бы своего бывшего господина живым. Куда безопаснее было забаррикадироваться в своем кабинете и ждать помощи.»

— Господин бургомистр? — Бертрам толкнул дверь и когда та ожидаемо не поддавалась эскутор забарабанил в нее кулаком. — Это брат Бертрам! Я пришел вывести вас отсюда.

Тишина.

— Господин бургомистр!

Алагар подошел ближе и хмыкнул. Выбить эту дверь можно было бы разве что тараном. Может попробовать влезть через окно? Если ученик правильно помнил, то в кабинете бургомистра был огромный витраж, изображающий самого бургомистра. Помимо выдающейся щедрости градоначальник отличался и выдающейся скромностью.

В тишине коридора щелчок поворачиваемого в замке ключа походил на гром.

— Проходите, — слабый голос бургомистра был едва слышен из-за массивной двери. — Проходите скорее.

Но Бертрам не спешил.

— Я не слышал шагов, — тихо сказал он. V А ты?

— Проходите же! — взвизгнули из-за двери. В голосе бургомистра скользила неподдельная паника.

Бертрам осторожно открыл дверь. И замер на пороге.

Градоначальник сидел за своим столом, в кресле, откинувшись на высокую спинку. И за прошедшие пять секунд старик никак не мог в него вернуться.

За спиной хозяина города мерцал всеми оттенками алого и багрового огромный витраж. И на фоне этого великолепия тот, кто держал в руках жизнь бургомистра казался еще невероятнее.

Он сидел на корточках, без труда балансируя на высокой спинке кресла. Неестественно длинные руки свесились между ног и плотно обхватили голову бургомистра, не давая ему шевельнуться. Старик мог лишь испуганно вращать глазами и побелевшими пальцами сжимать подлокотники.

Могучие плечи Бертрама напряглись. Алагар знал, что учитель сейчас просчитывает все варианты и по всему выходило – не успеть. Преодолеть расстояние между дверью и кабинетом можно было бы в один прыжок, но убийце хватит одного движения.

Значит, нужно идти другим путем.

Бертрам показательно расслабился. Словно кто щелкнул переключателем, и вместо напряженного и опасного воина появился добродушный, открытый толстяк. Экзекутор отправил меч в ножны и развел руками, показывая, что не замышляет ничего дурного.

— Давай не будем спешить, — сказал он. — Давай просто поговорим...

Алагар всегда думал, что это глупо. Кто захочет разговаривать в такой момент? Разве что какой-нибудь нелепый злодей из Королевского театра. Но оказалось, что настоящие убийцы и предатели тоже любили поболтать. За пять месяцев ученик экзекутора успел выслушать три исповеди и одно покаяние. Выяснилось, что у каждого бунтовщика есть слезливая история, в которой он оправдывает себя и обвиняет всех остальных. Видит Отец, некоторые были достойны пера лучших драматургов.

Все эти люди очень хотели их рассказать. Они мечтали найти благодарного слушателя, который бы сочувствующе покивал и ободряющей улыбнулся: это не ты, это жизнь, все верно, приятель.

И Бертрам был рад выслушать их. Он кивал и улыбался, он вздыхал в нужных местах и даже вставлял комментарии, оставаясь безобидным и добродушным. До того самого момента, пока убийца не терял концентрацию, увлеченный собственной историей.

И тогда экзекутору хватало одного-единственного мгновения.

Сидящий на спинке наклонил голову. Движение вышло изломанно-птичьим, совершенно неестественным. Одетый в темный кожаный доспех, с глубоким, скрывающим лицо капюшоном, убийца походил на грифа, черного падальщика, застывшего над еще живой жертвой.

Алагар понял, что в этот раз фокус не удастся. Этот человек не будет ничего рассказывать, у него нет истории и нет тайных мыслей. Все его намеренья вполне очевидны.

Экзекутор тоже это осознал. Не переставая излучать дружелюбие, он сделал маленький *шажок* в сторону стола.

Совсем незаметный.

Убийца оттолкнулся от спинки кресла и рухнул в окно. Раскинув руки, он спиной влетел в алую круговерть витража, и та брызнула тысячей разноцветных осколков. Господин бургомистр остался сидеть в кресле. Остекленевшие глаза безучастно смотрели на цветную метель.

Бертрам шагнул вперед. На мгновение тени за его спиной соткались в подобие распахнутых крыльев и грузный экзекутор, словно пушинка, перемахнул через стол. Осколки витража еще не успели упасть на ковер, а экзекутор уже смотрел вниз, на площадь под окном.

Площадь была пуста.

— Бургомистр?

Алагар закрыл распахнутые глаза старика и попытался придать сломанной шее естественное положение.

— Мертв.

Бертран саданул по подоконнику кулаком и выругался.

— Уходим, — резко скомандовал он.

Алагр развернулся к двери и замер, не сделав и шага.

На пороге стоял широкоплечий мужчина и наводил на ученика взведенный арбалет.

— Святые Братья убили нашего славного бургомистра. — протянул бывший начальник городской стражи. На небритом лице гуляла нервная улыбка. — Даже не знаю, казнить их или объявить благодарность?

Толпа за его спиной восторженно взвыла.

